

Кто бы мог подумать, что новость о выходке Сы Циншуня так быстро долетит до родителей. Виски Бай Хэби отозвались глухой, тупой болью.

Судя по тону отца, прошлые измены его благоверного тоже уже вытащили на свет. Впрочем, чему удивляться? Если Хэби сам смог всё раскопать, то родителям с их связями и давно не составило труда.

Хэби тяжело вздохнул.

— Этот старый кобель Сы Шан сам всю жизнь юбки не пропускал! — рявкнул в трубку отец. — Я-то надеялся, хоть сынок в него не пойдёт. А этот, оказывается, тоже кобелём родился! Горбатого только могила исправит!

Бай Хэби ещё никогда не слышал, чтобы отец выходил из себя до такой степени.

— Этот мерзавец мне лично в глаза смотрел, святошу из себя корчил! Клялся, что пылинки с тебя сдувать будет... А на деле?! Полная херня! Как вспомню — кровь закипает!

— Пап, да успокойся ты... — попытался вставить слово Хэби.

— Какого к чёрту успокойся! — гаркнул Бай Юанькай, начисто отрезая сыну любую возможность сгладить углы. — И к тебе это тоже относится! — Отец распалялся всё сильнее, словно закипающий чайник. — У твоего муженька такая гниль всплывает, а ты молчишь! Если бы не этот скандал, если бы я сам не подослал людей проверить его подноготную, ты бы так и выгораживал этого ублюдка?! До каких пор ты собирался от нас всё скрывать?!

— Папа...

— Не называй меня папой! Жди, пока мы с матерью вернёмся — никому спуска не дам! Вспомнил он про родителей, ишь ты! Научился всё сам решать, умник?!

Поняв, что любое слово только подбросит дров в костёр, Хэби разумно промолчал.

— Я уже взял билеты. Послезавтра буду на месте и устрою разбор полётов! И тебе достанется, дрянной ты мальчишка, и этому сукиному сыну!

Хэби хотел было что-то возразить, но в трубке уже раздались короткие, частые гудки, похожие на очередь из автомата.

Отец — словно часовой механизм: никогда не знаешь, когда рвёт. Хэби с досадой отложил телефон. Впрочем, зная вспыльчивый нрав отца, можно было не сомневаться: сейчас перезвонит мать. В отличие от мужа, Цзин Ханьянь всегда умела сохранять хладнокровие и

доходчиво объяснять суть.

И точно. Спустя пару минут экран снова вспыхнул от входящего вызова.

Хэби ответил, не рискуя дёргать льва за усы, и с осторожностью спросил:

— Мам, как там папа?

Цзин Ханьянь понимала, насколько сыну сейчас тяжело. Она тихо, сочувственно вздохнула:

— В бешенстве. Честно говоря, когда я сама всё узнала, меня тоже от шока передёрнуло. А когда выяснилось, что история с проститутками — подстава, твой отец заподозрил неладное. Боялся, что за Сы Циншунем и раньше водились грешки. Попросил людей проверить... В общем, всплыли его измены четырёхмесячной давности. Кабы не весь этот шум, мы бы так и жили в неведении.

Хэби замялся, не зная, что ответить.

— Но сынок, тут ты и впрямь поступил неправильно, — мягко, но строго продолжала мать. — О таких вещах нельзя молчать. Мы имеем право знать.

— Мам, я не специально... Я просто хотел...

— Хотел всё уладить сам, верно? — договорила за него Цзин Ханьянь.

Ей была хорошо знакома эта самостоятельность и скрытность сына. С одной стороны, она гордилась его взрослостью, с другой — упрекала за излишнее упрямство.

— Хэби, ты мой ребёнок, и я понимаю, о чём ты думал. Но это уже давно вышло за рамки ваших личных отношений. Это конфликт двух семей, и нам, старшему поколению, тоже нужно расставить точки над «i». Ты наверняка решил, что просчитал все риски и подготовил план, но забыл про нас. А ведь у нас тоже есть своя позиция в этой истории.

Хэби молчал, чувствуя, как укол вины пронзает сердце. Мать была права: он проявил эгоизм.

Родители смотрели на ситуацию с высоты своего опыта. Они пытались взять на себя урегулирование старых счетов, чтобы защитить его, дать ему свободу манёвра. Это была чистая, негласная родительская забота.

— Ты вечно забиваешься в угол, пережёвываешь всё в одиночку и даже не думаешь, что эти тайны однажды ранят тебя самого, — тихо проговорила мать. — Ты нам ничего не говоришь, а

мы ведь тоже за тебя болим.

— Мама... — прошептал Хэби, обезоруженный её пронизательностью и нежностью.

Цзин Ханьянь сдавленно усмехнулась:

— Ладно, сама же тебя так воспитала, что уж теперь ворчать... Что до Сы Циншуня... он мне не сын, и я не могу не злиться на него.

— Я со всем разберусь, мам. Не волнуйся.

— Ты уже взрослый человек, в любви у тебя свои соображения, тут мы тебе не советчики, — вздохнула мать. — Но кое-какие вещи, Хэби, понимаешь только тогда, когда сам через них пройдёшь.

— Я понял.

— Ну вот и ладно. Не переутомляйся и береги себя, — с облегчением выдохнула она. — Пойду гляну, как там твой отец. Весь вечер под ухом бубнит, уже голова от него пухнет. Мы прилетаем послезавтра. Вызовем Сы Шана с сыном и усядемся за стол переговоров. А там сам решишь — разводиться или как.

— Хорошо, я понял, — неопределённо отозвался он, механически перебирая пальцами свисающую с подоконника вьющуюся плеть растения. — Вы тоже... отдохните с дороги.

— Наш рейс прибывает послезавтра в два часа дня. Обязательно встретить меня, — Цзин Ханьянь говорила тепло, а на заднем плане всё ещё слышалось глухое ворчание мужа, отчего у Хэби на душе стало немного легче. — И помни: мы с отцом всегда за твоей спиной. Не бойся ничего.

— Спасибо, мам.

Бай Хэби опустил руку с телефоном не сразу. Он долго стоял без движения, прижав остывший экран к уху.

Внезапно остро накатила забытая тяга к сигаретам. Он бросил курить много лет назад — только потому, что Сы Циншунь не выносил табачного дыма.

Но желание так и осталось лишь мимолётной мыслью: ни сигарет, ни зажигалки под рукой всё равно не было. Хэби закрыл глаза и прижал язык к нёбу, сдерживая внезапный порыв.

Идиллию нарушил оклик грузчика:

— Господин Бай?

Понимая, что стоящий в саду человек не откликается, старший бригады осторожно подошёл ближе:

— Господин Бай... Вы здесь?

Хэби встряхнулся, мгновенно вернув себе привычную маску хладнокровного и собранного президента «Байши»:

— Да. Что-то случилось?

— А, да! Все вещи, которые вы указали, уже погружены в машину. Не могли бы вы проверить сохранность груза и поставить подпись на накладной?

Хэби бегло глянул на бланки:

— Хорошо.

Он расписался чёрным роллером, который подал ему с подобострастным поклоном бригадир:

— Доставите завтра по указанному адресу. Спасибо за работу.

Мужчина расплылся в благодарной улыбке — он никак не ожидал такой вежливости от богатого бизнесмена:

— Что вы, это наша работа! Не переживайте, всё доставим в лучшем виде.

— Отправляйтесь. Мне нужно завершить тут кое-какие дела.

Проводив рабочих, Хэби вернулся в опустевший дом, чтобы проверить, не забыл ли какую мелочь. Из вещей у него оставался лишь небольшой чемодан с одеждой и рабочими документами — обо всём остальном он позаботился ещё месяц назад, когда твердо решил съехать и постепенно отправлял имущество курьерской службой.

— Вроде всё. Остались только бумаги.

Он захлопнул крышку ноутбука, стоящего на столе, и убрал его в портфель. Задев локтём край стола, он случайно смахнул стопку цветных стикеров.

Блокнотики с сухим шорохом рассыпались по полу — красные, жёлтые, зелёные яркие листки с обрывками почерков: его собственного и Сы Циншуня.

Хэби нагнулся, собрал их и аккуратно положил обратно. Вглядываться в тексты он не стал, да это и не требовалось — память и так хранила каждую строчку.

Обычные бытовые записки. Жёлтые листки предназначались ему, красные — Сы Циншуню, а остальные цвета так и пролежали без дела.

Когда оба пропадали на работе и разминались по времени, этот ретро-способ связи казался Хэби отличным решением. Они оставляли друг другу короткие просьбы, заметки о покупках или напоминания о приготовленном обеде, прикрепляя стикеры магнитом к дверце холодильника.

Поначалу в этом была романтика. Но со временем бумага уступила место сухому мессенджеру, а потом и вовсе сошла на нет.

Сейчас Хэби не испытывал ни малейшего желания ностальгировать. Личные контакты Сы Циншуня давно отправились в чёрный список, а от мысли об очередном звонке тошнило.

Подумав секунду, Хэби вытащил из стопки жёлтый стикер, убрал его в портфель и направился на кухню.

На металлической дверце холодильника действительно всё ещё висел кусочек жёлтой бумаги. Грузчики его не тронули, и записка провисела тут полгода.

В углу от руки был нарисован смайлик.

«Завтрак на столе, не забудь поесть. Я пошёл на работу. ^_^ — Бай»

Хэби беззвучно ухмыльнулся, глядя на этот смайлик, а затем безжалостно сдёрнул листок, сжал его в плотный комок и швырнул в мусорное ведро.

Перед уходом он достал чистый жёлтый стикер, вывел несколько строк и прижал его магнитом к холодной стали.

Это было единственное, что он оставлял в доме, где прожил четыре года.

«Используем бумагу по назначению», — равнодушно подумал он, выводя ровные, чёткие иероглифы.

«Я забрал свои вещи. Всё, что осталось — мне не нужно. Делай с этим что хочешь: хоть жги, хоть выбрасывай. И не забудь прихватить подписанное соглашение о разводе на нашу следующую встречу. Точное время тебе передаст ассистент Фу.

— Бай Хэби»

Перед тем как сесть в машину, Хэби в последний раз оглянулся на особняк, в котором они прожили почти три года.

Тёмный, безжизненный силуэт дома утонул в сумерках. Последние лучи заходящего солнца угасали на черепичной крыше.

Сад, за которым никто не ухаживал больше двух месяцев, успел одичать: разросшиеся ветви переплелись, возвращая участку тот самый запущенный вид, что встретил их при покупке.

Кусты роз, за которыми он когда-то трепетно ухаживал, к вечеру совсем поникли. Сморщенные бутоны утратили прежний сочный цвет, будто покрывшись слоем пыли, а листья желтели и скручивались по краям. Багровый отсвет заката, скользивший по увядающей зелени, придавал пейзажу отпечаток глубокой, звенящей тоски.

— Жаль, розы с собой не заберёшь, — с лёгкой досадой шепнул Хэби.

Он решительно повернулся, и тихие слова мгновенно растворились в вечернем воздухе.

Хэби сел в автомобиль, завёл двигатель и выехал за ворота, оставляя прошлое за спиной.

Он снова был абсолютно один.

<http://bllate.org/book/20379/2132048>